

БЕЛОЗОРОВЫ З. В. и Т. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЕЛОЗОРОВА Зинаида Владимировна, родилась в 1910. Вышла замуж за штурмана Изумрудова Н. Л., с 1929 — вдова (муж погиб). Работала акушеркой в ЦНАГИ, окончила вечернее отделение Медицинского техникума и поступила на вечернее отделение Медицинского института в Ленинграде. 18 марта 1935 — выслана с матерью и сестрой в Астрахань на 5 лет как дочь потомственного дворянина.

БЕЛОЗОРОВА Татьяна Владимировна, родилась в 1915. Окончила школу в Ленинграде, в 1931 — чертежно-конструкторские курсы, работала на предприятии Ленинграда, с 1934 — студентка Морского техникума. 18 марта 1935 — выслана с матерью и сестрой в Астрахань на 5 лет как дочь потомственного дворянина.

В июне 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Татьяна Владимировна Белозорова.

«21/VI-35 г<ода>».

Уважаемая тов<ариц> Пешкова!

Несмотря на шаблонность моего письма (ведь таких писем Вы, наверное, получаете тысячи, если не сотни тысяч!), очень, очень прошу Вас выслушать мою просьбу, мольбу даже, и неужели не получу я так желаемого от Вас ответа?

Не буду досаждать мелкими и одинаковыми, как у тысяч мне подобных, подробностями. Скажу коротко.

Я, студентка Ленинградского Морского техникума (мне 20 лет), 18-го марта с<его> г<ода> была выслана из г<орода> Ленинграда совместно с сестрой, 25-летней вдовой штурмана Изумрудова, погибшего в 29 г<оду> на подводной лодке № 9, матерью, находящейся на нашем иждивении, в гор<од> Астрахань.

Сестра была снята с работы и учебы, в частности, я была оторвана от техникума, бывшего мне дороже семьи, от надежд и желаний, от всего коллектива людей, идущих впереди страны и впереди всего мира.

Мне было брошено обвинение в ненадлежащем рождении, мне поставили в упрек потомственное дворянство отца.

Но неужели я и сестра ответственны за его действия, его взгляды, каковы бы они не были; в год смерти его мы остались детьми: я — 4-х, а сестра — 9-ти лет?

Нам дела нет до настроений нашей матери; она человек прошлого, а мы... ведь мы выросли в революции, ведь всем своим сознанием мы обязаны ей, мы жили жизнью детей своей, мы дети своего века и хотим, так хотим жить общей жизнью, быть членами огромной, но единоклюстной семьи, хотим быть в числе живых людей, строящих и создающих свою страну.

Неужели так уж преступно желание быть членом этой общей семьи, соединенной одним желанием, одним стремлением доказать ветхому миру права и силу молодости?

Неужели неудачное наше происхождение настолько заклеямило нас, что даже искреннее и горячее наше желание участия в лихорадочном дыхании жизни, в титаническом росте страны вызовет недоверие и иронию, и все наши попытки, все желания и мольбы наши разобьются об лед презрения к отверженным Союзом?!...

Тов<ариц> Пешкова! Быть может, смешно читать этот бред вместо связного описания обстоятельств, но мысль, что я теперь в числе врагов

Союза, я — которая только лишь и молю о разрешении вновь занять свое место в рядах молодежи, гнетет непосильной и незаслуженной тяжестью.

Прошу Вас, не пренебрегите моим горячим к Вам призывом! Дайте возможность своей дальнейшей учебой реабилитировать себя в глазах тех, чье мнение мне дороже самой жизни, тем более той, которая сейчас мне суждена.

Я надеюсь на справедливость и тогда, о, с каким восторгом я положу тогда свои силы на общее дело, с какой любовью я буду чувствовать и свою долю в великой стройке, и тогда я не стыдись, но как награду, приму возможность занять место в звенящих молодостью и жизнью рядах Комсомола!

21/VI-35 г<ода>».

Т. Белозорова

г<ород> Астрахань, III район, 4-я Интернациональная, д<ом> № 7.
Белозорова Т. В»¹.

В июле 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Зинаида Владимировна Белозорова.

<19 июля 1935>

«Дорогая т<оварищ> Пешкова!

Наверное, уже тысячи писем Вы получили с просьбой, подобной нашей, и они достаточно Вам надоели, но когда человек в отчаянии, его не останавливает даже возможность показаться назойливым.

Мы неоднократно сталкивались с Вашим внимательным и справедливым отношением к людям, и это побудило нас обратиться к Вам.

18-го марта с<его> г<ода>, после предварительного заключения в ДПЗ нам было предложено оставить пределы Ленинграда и переселиться в Астрахань сроком на 5 лет. Объяснения причины высылки не последовало ни в Ленинграде, ни до приезда на место.

Семья наша состоит из 3-х человек: мать, 54-х лет, находящаяся на нашем с сестрой иждивении, сестра — 19 лет, студентка Лен<инградского> Мор<ского> Техникума и я — 25 лет, акушерка ЦНАГИ и студентка медвуза. Одновременно я являюсь вдовой погибшего в 1930 г<оду> на подлодке № 9 штурмана Изумрудова, после смерти которого мне были обещаны льготы и помощь в жизни. До сего времени я к этой помощи не прибегала и это — первая моя просьба.

Отец наш, по происхождению дворянин, до революции занимал должность присяжного поверенного. После революции служил в Лесном Отделе и в 19 г<оду> был расстрелян в ответ на белый террор. После его смерти сестра осталась 4-х, а я — 9-ти лет. Мать вырастила нас одна, непрерывно работая в советских учреждениях.

Мы с сестрой окончили трудшколу и по окончании немедленно стали работать, совмещая работу с учебой. Я окончила медтехникум. В момент высылки я была студенткой вечернего Медвуза. Сестра после школы окончила чертежно-конструкторские курсы, после чего работала в течение 3-х лет. Неоднократно была премирована и отличена. Осенью 1934 г<ода> поступила в Морской техникум.

Т<ак> к<ак> бросить работу нам не позволяли материальные средства — учеба давалась с трудом и тем более обидно оторваться от нее, потеряв целый учебный год, не говоря уже о том, что в связи с переездом вся жизнь наша пошла кувырком, все, что было — пришлось

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Д. 1360. С. 184-185. Автограф.

продать и оставить Ленинград, в котором мы родились и кот<орый> никогда не оставляли.

В настоящее время, в Астрахани, мы обе сидим без работы, не имея возможности никуда устроиться, т<ак> к<ак> высланных не принимают, не говоря уже об учебе. Деньги, вырученные за продажу вещей, на исходе, т<ак> к<ак> издержки были очень велики.

Если же дело наше будет пересмотрено до начала учебного года, мы сможем продолжать прерванную учебу. Еще раз убедительно просим не оставить без внимания нашу просьбу и помочь нам.

О получении этого письма просим сообщить на прилагаемой открытке по след<ующему> адресу:

г<ород> Астрахань, III район,
4-я Интернациональная, д<ом> № 7.

З. В. Белозорова»².

На письме — помета секретаря ПКК: «Заявл<ение>».

В июле 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью и Татьяна Владимировна Белозорова.

<21 июля 1935>

Уважаемая тов<арищ> Пешкова!

Несмотря на шаблонность моего письма (ведь таких писем Вы, наверное, получаете тысячи, если не сотни тысяч!), очень, очень прошу Вас выслушать мою просьбу, мольбу даже, и неужели не получу я так желаемого от Вас ответа?

Не буду досаждать мелкими и одинаковыми, как у тысяч мне подобных, подробностями. Скажу коротко.

Я, студентка Ленинградского Морского техникума (мне 20 лет), 18-го марта с<его> г<ода> была выслана из г<орода> Ленинграда совместно с сестрой, 25-летней вдовой штурмана Изумрудова, погибшего в 29 г<оду> на подводной лодке № 9, матерью, находящейся на нашем иждивении, в гор<од> Астрахань.

Сестра была снята с работы и учебы, в частности, я была оторвана от техникума, бывшего мне дороже семьи, от надежд и желаний, от всего коллектива людей, идущих впереди страны и впереди всего мира.

Мне было брошено обвинение в ненадлежащем рождении, мне поставили в упрек потомственное дворянство отца.

Но неужели я и сестра ответственны за его действия, его взгляды, каковы бы они не были; в год смерти его мы остались детьми: я — 4-х, а сестра — 9-ти лет?

Нам дела нет до настроений нашей матери; она человек прошлого, а мы... Ведь мы выросли в революции, ведь всем своим сознанием мы обязаны ей, мы жили жизнью детей своей страны, мы дети своего века и хотим, так хотим жить общей жизнью, быть членами огромной, но единой душой семьи, хотим быть в числе живых людей, строящих и создающих свою страну.

Неужели так уж преступно желание быть членом этой общей семьи, соединенной одним желанием, одним стремлением доказать ветхому миру права и силу молодости?

---

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1360. С. 187-188. Автограф.

Неужели неудачное наше происхождение настолько заклеямило нас, что даже искреннее и горячее наше желание участия в лихорадочном дыхании жизни, в титаническом росте страны вызовет недоверие и иронию, и все наши попытки, все желания и мольбы наши разобьются об лед презрения к отверженным Союзом?!...

Тов<арищ> Пешкова! Быть может, смешно читать этот бред вместо связного описания обстоятельств, но мысль, что я теперь в числе врагов Союза, я — которая только лишь и молит о разрешении вновь занять свое место в рядах молодежи, гнетет непосильной и незаслуженной тяжестью.

Прошу Вас, не пренебрегите моим горячим к Вам призывом! Дайте возможность своей дальнейшей учебой реабилитировать себя в глазах тех, чье мнение мне дороже самой жизни, тем более той, которая сейчас мне суждена.

Я надеюсь на справедливость и тогда, о, с каким восторгом я положу тогда свои силы на общее дело, с какой любовью я буду чувствовать и свою долю в великой стройке, и тогда я не стыдись, но как награду, приму возможность занять место в звенящих молодостью и жизнью рядах Комсомола!

21/VI-35 г<ода>.

Т. Белозорова

г<ород> Астрахань, III район 4-я Интернациональная, д<ом> № 7»³.

---

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1360. С. 184-185. Автограф.